

Коробенкова, Н. Баллада о мужестве и любви [о педагогах А.Н. и Л.И. Ивановых] / Н. Коробенкова // Бичурский хлебороб. – 1984. - 6, 9, 11 окт.

Баллада о мужестве и любви

Не знаю, сумею ли вот так, на газетной странице, рассказать о подвиге мужчины, в чьей жизни не было взрывающихся гранат и схваток с вооружёнными бандитами, и о женщине, которой не случилось входить в горящую избу. О людях без званий, наград и аплодисментов. 15 лет знаю эту семью. И хочу, чтобы о ней узнали другие. Взялась за перо, чтобы повторить старые, но незабывающиеся истины о мужестве, о любви. ...Жизнь иногда ставит человека в такие ситуации, которые не предусмотрит никакая, даже самая изошрённая фантазия. Так, в жгучий февральский день студент-третьекурсник пединститута Александр Иванов ожидал автобус, чтобы добраться до железнодорожной станции: он ехал на первую в своей жизни педагогическую практику. День уже клонился к вечеру, автобус почему-то задерживался, и Саша нервничал: успеет ли. Знать бы тогда, на какой чудовищно жестокий вираж уже пошла в те минуты его судьба - смешной и настоящей мелочью показался бы тот запропастившийся автобус! Знать бы... Его поезд стоял на третьем пути. На бегу Александр заметил у состава, загораживающего от него третий путь, тамбуров для перехода нет. И уже в то мгновение, когда коснулся рукой колёса вагона, понял: поезд тронулся. Александр не помнил, сколько он пролежал на снегу. Наверное, долго. Потому что, кроме страшных травм, врачи обнаружат у больного большую потерю крови. Будет в диагнозе и такая строка: «Обморожение 1-й степени нижних и верхних конечностей». - Господи, молоденький-то какой,- услышал он, наконец, очнувшись, сострадательный женский голос.- Сколько же тебе лет-то? Двадцать,- помертвевшими губами попытался ответить он. Страшно и сейчас вспомнить тот самый первый день. Придя в себя после операции, по складкам на больничном одеяле Александр понял всю потрясающую неотвратимость случившегося: остался без обеих ног. Правая - «под корешок», культя левой, как ему скажут позже, 14 сантиметров. Операции, переезды из города в город, бесконечные обследования, отчаяние, надежда на чудо... Годы шла изнурительная, изматывающая борьба за жизнь, а потом - и за место в ней. Долгое время он чувствовал свои ампутированные ноги. Они жили, двигались, и ощущение это казалось до одури реальным. Мучительными были перевязки. Александр не сдавался. Днём шутки, а ночью, когда двурогий серп луны заглядывал в больничное окно, долгие думы, как жить дальше? Как!? Сколько надежд рухнуло в один день!

Трагедия усугублялась: встал вопрос о полной ампутации правой руки. «Доктор, оставьте мне руку», - умолял Александр, когда его в очередной раз привезли в операционную. Сохранить руку оказалось невозможно: слишком обширной была болевая область, человеческий организм мог не выдержать испытания болью. «Как жить дальше? Как?»... Позже будет динамометр, ручной эспандер, первые шаги и даже гимнастика. А пока всему надо было учиться заново. О продолжении занятий в институте, казалось, и думать не приходилось. Но рядом оказались те, с кем он дружил и учился, знакомые и незнакомые, школьные учителя и преподаватели вуза. В реанимацию звонили люди разных возрастов и профессий: «Скажите, что сделать, чтобы помочь Саше?». Весь третий курс, узнав, что товарищ лишился правой руки, стал писать...левой. Все лекции - только левой рукой! С позиций трезвой взрослости кто-то может и усомниться в нужности этого шага, расценит его как излишний максимализм юности. Но движения сердца часто неподвластны разуму. Для Александра и его товарищей это был акт студенческого братства и комсомольской солидарности. И кто знает, может быть, именно ему обязан Александр Никитович тем, что не отступился от мечты о школе: окончил третий курс заочно; что у него «самый красивый и аккуратный почерк», о чём с гордостью говорили мне его ученики; что он ведёт уроки рисования и черчения; что им оформлены стенды в школьных коридорах и учительской, что его рисунки и гравюры экспонировались на разных выставках. Но всё это будет позже. ...Были у Александра и пронзительно тяжёлые минуты, когда не жить было легче, чем жить. В одну из таких минут вырвалось у него горчайшее признание: «Если бы я был поставлен перед жестоким выбором: прожить один час, но таким, каким я был до этого, и потом умереть, или прожить долгую жизнь, но таким, какой я есть, - я бы выбрал первое». Мы не знаем, какие раны болели у Саши в тот день. Но если бы только раны! Тяжёлые сердечные приступы держали мать между жизнью и смертью (9 месяцев, всё время, пока сын лежал в больнице, от неё скрывали случившееся). И когда Полина Васильевна случайно, в магазине, узнала от неосторожной женщины всё - она потеряла сознание. Не выдержало жестокой проверки чувство невесты, дорогого человека. Заявление о бракосочетании уже лежало в загсе. Шёл месяц, предоставляемый законом будущим мужу и жене на обдумывание своего решения. Она не появилась в больнице. Пришла позже, чтобы сказать: «Нет, не могу...Прости». А у девушки было такое хорошее имя - Надежда... «Комсомольская правда» рассказывала как-то о подвиге жены председателя колхоза. Подвиге удивительной, неослабевающей любви к мужу. Ему, оставшемуся с войны без рук, она дала силы поднять хозяйство, стать

директором орденоносного совхоза, единственным в районе Героем Социалистического труда, дала счастье. Автор статьи писал: «Есть женщины-Герои Советского Союза. Есть Герои Социалистического Труда. Есть Матери-герои. Но есть и Героини-жёны». Эти слова и о нашей Людмиле Ивановне Ивановой. О той, кто вот уже семнадцать лет живёт одной судьбой с героем моего очерка. Александр Никитович и сам говорит, что многим обязан заботам, нежности и терпению жены. Рассказала как-то Людмила Ивановна историю своей любви соседкам по палате в санатории. И увидела, по глазам увидела: не верят! Логика простая: если бы она была женой Иванова до того, что с ним произошло, всё остальное было бы объяснимо: долг, супружеская обязанность и так далее. Но в том-то и дело, что в первый раз Люда Сахарова увидела Александра не до, а после беды. Увидела на больничной койке «грудь крест-накрест перетянута бинтами, плечи широкие, а глаза...». Глаза-то и запомнились ей больше всего. Людмила тогда только перевелась из Новосибирского института в УланУдэ, в Бурятский педвуз, поближе к старому отцу (матери у неё не было с трёх лет). Училась тоже на физмате, курсом младше. И, как все, знала о его беде. Шли девушки в больницу, говорили о Саше. Сколько воды утекло, а свой первый диалог они помнят до сих пор. Помнят, как встретились их взгляды, как поняли они друг друга и больше ничего не сказали. Самые важные решения люди чаще всего принимают без слов. Особым чутьём и природной деликатностью улавливала Людмила ту минуту, когда была нужна её поддержка. Умела не ранить его гордость скорой помощью. А как они мечтали! И больше всего о том, что Саша будет ходить. У медиков на этот счёт надежд было очень мало: протезам не на чем держаться. Не случайно позже члены делегации врачей одной из скандинавских стран, приехавшие в СССР за опытом протезирования, недоверчиво качали головой, когда в Московской клинике их познакомили с Александром Ивановым и историей его болезни: «Ещё один русский феномен». Они мечтали...Он смотрел в её сияющие глаза, и боль, которая всегда не отпускала его, отступала. Людмила Ивановна в кабинете директора школы. Она уговаривала, умоляла «дать попробовать» Саше поработать в школе, взять его на практику. Доказывала «Он сможет работать. Он хочет быть учителем. Он должен быть учителем». Так началась педагогическая поэма Александра Никитовича и Людмилы Ивановны Ивановых. Институт они закончили в один год. Получать дипломы поехала Людмила Ивановна. Когда ректор института назвал фамилию Иванова, весь зал встал, аплодируя мужеству и любви этих людей. А вскоре постучалось в их дом простое и желанное человеческое счастье: родился первенец Слава. Я не встречала в своей жизни людей, которые бы так, как они пронесли через

суровые испытания в чистоте возвышенные человеческие чувства. Она ничего не умеет делать в полсилы. Если работать- то от души, если смеяться- то до слёз, если любить- то на всю жизнь. Он её боготворит, помогает во всём. Они оба - надежда и опора. Семья. Мужественное сердце не позволило Иванову жить «тихой» жизнью. Ему предлагали «щадящую работу. Он - остался верен призванию педагога, хотя пенсионную книжку получил на года раньше диплома учителя. Отчаяние кричало строками этого документа: «Нетрудоспособен. Нуждается в постоянном постороннем уходе...не подлежит переосвидетельствованию». Не каждый выдерживает перегрузки школьных будней. Уходят, случается, люди и сильные. И здоровые. А он остался. Остался в той школе, в которой когда-то сам был прилежным и способным учеником. Знаю Александра Никитовича 5 лет. Сначала он учитель- я ученик. Потом соседи, товарищи. В нём счастливо сплавлены любовь к детям и увлечённость, я бы даже сказал, одержимость своей работой. Мастерская у Александра Никитовича прямо на дому, в маленькой тесноватой кухоньке. Допоздна горит здесь свет. Сюда приходят и те, кого в посёлке называют «трудными». Здесь они перестают быть ими. Упрямые, порой и озлобленные, такие дети здесь преображаются. Потому что рядом мастер-учитель, добрая его душа. Да, Иванов лишился руки, но про него всё равно говорят «золотые руки». Он может отремонтировать часы и телевизор, фотоаппарат и автомашину. Вы видели изящную женскую головку, выточенную из липы? Это подарок Александра Никитовича своей жене. Только став взрослым и семейным человеком, я оценил до конца доброту и терпение Людмилы Ивановны. Представьте себе, как выглядит квартира, если в доме есть хотя бы один любитель построгать, попилить. А тут- целый класс! Но открываешь дверь их дома и чувствуешь, тебя ждут. Тебе рады. Сюда идут за поддержкой. Здесь встречаются бывшие однокурсники Ивановых и их вчерашние ученики. Солдат, вернувшийся из армии, спешит к «Никитычу». Это стало неписанным законом. Жаль, что нет такой награды: «За победу над собой». Александр Никитович носил бы её по праву. Награда его в учениках, тех, которые уже ушли и которые ещё придут. Она - в собственных детях, Славе и Леночке. В семье Ивановых растут трудолюбивые и заботливые ребята. Младшая – Леночка - гордость школы, активистка и отличница. «У Славы - умные руки», ещё в детсаду говорила воспитательница. «Это от папы,- считает Слава - Наш папа всё может». Да, он рыбачить может, и землянику с детьми собирать, и картошку почистить. Когда я в первый раз оказалась в доме Ивановых и мне показали мебель - кресла, шкаф, сделанные хозяином дома, каюсь, я не поверила. Но действительно он многое может! А что же не может Александр Никитович?

Он не может без посторонней помощи встать и сесть. Сколько бы часов он ни провёл в школе, он всегда на ногах. Когда на первых педсоветах ему предлагали сесть, он отшучивался: «А мне всё равно, что стоять, что сидеть. Стоять даже лучше». Многолетнее испытание повседневностью, ничуть не легче, чем сиюминутная проверка мужества в исключительных условиях. Эта «повседневность» продолжается и сегодня. Осложняет жизнь долгая - в полгода - сибирская зима и связанные с нею хлопоты о дровах, воде. Давно, давно пора позаботиться о них. Разве они, Ивановы, не заслуживают такой заботы? Говорю об этом потому, что пишу о реальных людях, а не о литературных героях и потому что живут они не на облаке, а на земле. Если же прибавить, что за последние два года Людмиле Ивановне пришлось трижды познать операционный стол, то станет ясно: семья нуждается в действенной и скорой помощи тех, кто может решить её вполне разрешимые бытовые вопросы. Здесь я должна повиниться перед этими людьми: об этой стороне своей жизни они не говорят даже с друзьями. Но нам молчать об этом, по-моему, нельзя... Когда в среднюю школу, где я работаю учителем литературы, приходит в 9-й класс, пополнение из 5-й восьмилетней, и я даю сочинение о наших современниках, то неизменно - вот уже в течение многих лет - все пишут о своих учителях Александре Никитовиче и Людмиле Ивановне Ивановых. Из ученических работ я и узнала впервые о героях рассказанной здесь истории.

Н. Коробенкова